

ПРОЗЕВАННЫЙ ГЕНИЙ

Анна БОВШЕК:

ГОРОД ДОБРЫЙ. ГОРОД ЗЛОЙ...

...Сегодня трудно представить себе, что двадцать лет назад имя "Сигизмунд Кржижановский" было известно едва ли десятку людей. О том, как началось его возвращение в литературу, писалось много раз, но всегда хочется сделать это снова. Рассказать о том, как не удавалось ему напечатать книги в 1920-е или в 1930-е годы, — ну разве что самые крохи; о том, как любили и ценили его современники из самых придирчивых. Как этого "писателя для писателей", волею судьбы десятилетиями не имевшего выхода к читателю, постигла немота — сначала фигуральная, "писательская", затем и буквальная, болезненно-человеческая... Как много после смерти Кржижановского Вадим Перельмутер, заинтересовавшись дневниковой записью Георгия Шенгеля о "прозеванном гении", отправился в — тогда еще — ЦГАЛИ посмотреть его рукописи. Как до прозрачности был зачитан студентами МГУ экземпляр самой первой книги "Воспоминания о будущем" (1989 г.)...

Собрание сочинений С.Д. Кржижановского, которое выпускает петербургское издательство "Symposium", сегодня почти закончено: на подходе — последний, пятый том.

Не было бы у писателя и посмертной славы, когда бы не жена, актриса Анна Гавриловна Бовшек. Он не принадлежал к тем, кто "женится на своей вдове"; но она была и навсегда осталась верна его творчеству — в самом высоком смысле. И после его смерти позаботилась, чтобы рукописи не погибли, остались в архивах. Благодаря ей мы получили русско-голландского европейского класса, а он — обрел, наконец, читателей. Поздно; но все-таки — не "никогда".

В 1920-1930-е гг. так часто, как только удавалось, Анна Бовшек приезжала в Одессу, навещала мать и родственников, грелась в лучах своего родного южного солнца. Москву она не любила, считала ее — почти всерьез — виновницей несчастий Сигизмунда Доминиковича. Разлучаясь, они переписывались. Весь корпус писем увидит свет в пятом томе. Здесь — только несколько отрывков из писем А.Г. Бовшек (РГАЛИ, ф. 2280, оп. 2, е. х. 1), лишь штрихи к автопортрету, к портрету города и — любимого человека.

18 июня 1923

Мой добрый-добрый, мой хороший друг, бесконечно обрадовалась Вашему письму, беру его с собой к морю, в степь, и стараюсь из-за строк видеть Вас. <...> Я живу в разоренной дикой местности: на версту кругом ни чернил, ни пера, ни бумаги. <...> ...оставшись без почтовых принадлежностей, почувствовала себя так, как чувствуют себя матросы, убедившись, что на корабле не осталось ни капли воды для питья. Листы, на которых я пишу сейчас, достались мне почти с такой же трудностью, с какой они достаются выброшенным на необитаемый остров, так что, при Вашем воображении, мой конверт, вероятно, покажется Вам бутылкой! <...> Событий со мной не происходит никаких. В городе я не была и не буду до самого отъезда, никого, кроме своих, не вижу, но оттого, должно быть, что я отдохнула, чувствую себя так, как будто у меня впереди радостная и важная работа, к которой нужно как можно скорей приступить. Первые

две недели я ни о чем не думала, было жарко, легко, спокойно, и я просто дремала, а сейчас много, много и часто думаю о Вас, думаю неясно, радостно и с благодарностью, думаю о Москве и, конечно, немного нервничаю. Не хочется оторваться от моря и хочется Ваших глаз, умных и добрых, хочется Вашего голоса и я, о ужас! летом в мою любимую жару считала дни. <...> Хорошо тут так, что я все время думаю о том, что за такую красоту и радость можно зимой и пострадать, если суждено за все платить. Я часто вспоминаю, как Вы, сидя у окна Студии, советовали мне чаще смотреть на Москва-реку, чтобы сохранить радость от нее и для зимы, а я все время думаю о том, что Вас нет здесь и что Вы-то больше чем кто-либо могли бы насладиться морем и солнцем, и Вам не мешало бы очиститься от московской скверны. Только, милый, здесь надо "хорошо лениться", а я теперь вижу, что ничего не делать и лениться это тоже трудно, так как я часто не знаю, где кончается беспечная радостная

лень и начинается острая, тревожная, страшная тоска. Она здесь усиливается еще и тем, что нигде и никогда я не видела такого контраста между красотой природы и безобразием человеческих дел. Уцелевшие жилища такая редкость, что не развалины, а они вызывают жалость и недоумение. И все же мне хотелось, чтобы Вы все это видели... <...> Ну, теперь скоро... Будьте здоровы, родной, да хранит Вас Господь.

Ваша Нета

<без даты>

Мой добрый, родной, если б Вы знали, как мне хорошо сейчас. Я только все время думаю, что за такую радость и покой, должно быть, жестоко придется расплачиваться. Но пусть... Никаких мыслей в голове; солнце сделало меня совсем здоровой и счастливой. <...>

Представьте мое огорчение, милый, когда я узнала, что теперь на Фонтане нет почты и письма не приносят на дом. Мне все кажется, что Вы уж написали мне и теперь письмо начнет странствия. Пишите, родной, по такому адресу: Одесса, Раскайдайловская, 8, кв. 9. <...>

<без даты>

Милый, родной мой Зимек, как Ваши дела? Мысли о Вас туманят горизонт моего бездумья. <...>

У нас здесь, на Фонтане, все как будто по-прежнему и вместе не по-прежнему. Пустые дачи... все мысли, дела и надежды сосредоточены на будущих уроках. Напряжение сил огромное, такое, как бывает, когда ставка — жизнь. Я после зимы сразу почувствовала себя ослабевшей и не могу еще собрать себя как следует. Начала работать, но словно сквозь сон... Чувствую, что силы мои восстановятся скоро, потому что, хотя и нашим очень трудно, — питаюсь я все же регулярно, чем в Москве, а главное — солнце и море, которые действуют на меня чудесно. Вода теплая, погода ровная, хорошая. Пожалуй, слишком жарко. Боюсь, что не доживу до сентября, так как не хочется быть в тягость, а жизнь невероятно дорога. Пока решила об этом не думать и каждый грамм сил и здоровья копить впрок. <...>

<без даты>

Мой милый, милый, добрый друг, сегодня неделя, как я приехала, и первый день, когда я предоставлена самой себе. Все время живу на даче, но как-то не чувствовала ее, так как у

мамы окончились занятия, и все время к нам приезжали с прощальными пикниками. Я старалась быть любезной и помогала в хозяйстве, а Вы знаете, как я это люблю... Но сейчас все уехали в город, тихо, радостно, и я с удовольствием думаю о том, что через несколько часов стану прохладно, я пойду в Люстдорф, море будет слева, степь справа, потом опущу письмо в ящик, и оно пойдет к Вам. Произойдет "смычка" между Москвой и Одессой.

Кстати, украинское население очень смущено словом "смычка", т. к. украинский глагол "смыкати" значит "очищать".

<...> Мне пока сейчас очень хорошо, живу в состоянии бездумности, бездеятельности и беспечности, но все эти три "без" я себе спокойно разрешаю, потому что летом в Одессе все так живут, так что никто ни словом, ни делом не может послать мне упрека. Одесса понемножку разрушается, но это стало ее особенным состоянием, пока тихо, безмятежно — и прежней кипучей жизни в порту еще, по-видимому, нескоро суждено возродиться. <...> Будьте благословенны.

Ваша Нета.

Одесса Большая. Фонтан Станция Ковалевская Дача Бовшек
Анне Гавр. Бовшек

14 июня 1924

Зимик, Зимик — нехорошо так долго молчать. Я очень хорошо знаю состояние, когда не пишется, но и тут можно как-то овладеть собой. Я понимаю, что Вам нечего беспокоиться обо мне, но письмо мне нужно не ради меня, т. е. я хочу знать — о Вас, а не о себе. Остались Вы и без денег, и без работы и, конечно, меня точит мысль о Вас. Солнце, море и все вокруг так же чудесны, как в прошлом году, но какой-то легкости, какая была в прошлом году, нет, — быть может, я обнаглела и не так страстно ощущаю природу и отдых, а быть может, что-нибудь предощущаю... хотя нет — и тревоги нет... сказала бы, совсем живу бездумно, если бы не думала о Вас... Вчера ходила с компанией гулять далеко-далеко, на обратном пути зашли в Люстдорф выпить пива... вдруг за соседним столиком Ценин с какой-то дамой... что он делает в Люстдорфе, не понимаю; он что-то болтал о рыбном промысле, будто поселился на берегу, как рыбак, в шалаше, и стал ловить рыбу с кем-то в компании, потом будто их разогнали, и так

кончилась его трудовая жизнь. В качестве нетрудового элемента он по-видимому чувствует себя тоже хорошо... толст и весел. <...>

Ваша Нета.

Одесса Б. Фонтан 16 станция

6 августа (?)

Зимек, друг мой, — надо писать, хоть разбирает лень; не то следующий почтовый пароход, пожалуй, не застанет Вас в Коктебеле... Расставшись с Вами, я сразу впала в молчание... <...> В последнюю ночь плавания поднялся хороший ветер, и, наконец, настала пора качки, к которой Вы взывали. Пассажиры присмирели и стали с нетерпением ждать Одессы. Приехали в 6 часов утра. Небо черное от туч, море черное от волн и проливной холодной дождь. Бедный Мандес, во все время своих странствий ни разу не раскрывавший зонта и добросовестно таскавший его, в самую нужную минуту отдал зонт мне. Пришлось взять — так как он действовал энергичными убеждениями, и я поняла, как важно и хочется ему быть джентльменом. Теперь боюсь за него — с тех пор не видела, — несмотря на его огромный зонт и пальто, я вымокла, пока добралась... <...> Как назло, в порту нет прикрытие, а в город извозчик едет шагом по морской горе. Дня три в Одессе было холодно — сейчас неясная, мягкая, теплая погода, которую я особенно ценю после кавказской жары. В голове появились мысли — и пока неплохие... Я на юге начала было побавляться хронического отупения... <...>

Милый Зимек, как чувствуете себя Вы, как встретились с Макс-«милианом»? Ал-«Александровичем»? Кто из Ваших знакомых живет там и как Ваше настроение? Читали ли Вы что-нибудь из своих работ у М. А.? Поминаете ли Вы меня и как? Должно быть, Ваша подруга сейчас "задумчива лень" — да будет она благословенна и верна Вам во все дни отдыха... <...>

Пока целую Вас нежно и крепко.

Ваша Нета.

<без даты>

Мой милый, милый, мой добрый друг, из того, что я пишу Вам, Вы можете смело умозаключить, что со мной не произошло никакой катастрофы в дороге. От Киева до Одессы становилось все холоднее, так что на Фонтане меня встретила совсем суровая погода. Солнце сконфуженное и запятывшееся в тучи... Правда, оно смеется с каждым днем и начинает греть понемногу. Вчера я уже купалась и делала вид, что лежу на солнце, но загара не произошло. <...> Сейчас материальные дела наших неплохи, но зимняя кампания у них была настолько тяжелой, в смысле безденежья, что они чинят старые прое-

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Энергия и эклектика Ильи Шенкера

В свои 85 лет Илья Шенкер говорит, что ежедневно проходит около десяти километров. Утром он выходит из своей манхэттенской квартиры на 33-й и Лексингтон и идет на север кварталов 20-30. Маршрут, по его словам, определяется светофорами. Он просто следует зеленым сигналам. Иногда поворачивает на запад, к Гудзону, иногда на восток, к Ист-Ривер. "Движение помогает сохранять бодрость и здоровье, — говорит он. — Я уже не помню, когда был у врача". Помимо многокилометровых прогулок бодрость ему помогает сохранять купание в океане. Илья рассказывает, что начинает сезон в начале апреля и купается до начала декабря. Он начал такие купания еще в Одессе и сохраняет верность "моржовому" образу жизни в Нью-Йорке.

В нью-йоркской галерее "Грант" прошла выставка работ Ильи Шен-

кера, в которой, как в зеркале, отразилась география жизни художника — от солнечного одесского пляжа до размытых вечерним туманом силуэтов манхэттенских небоскребов.

Илья родился в Одессе, после войны поступил на архитектурный факультет строительного института, а параллельно посещал занятия в Грековском училище. Получив диплом архитектора, он отдал этой профессии всего несколько лет, предпочтя ей труд художника. "За моим выбором стоял обычный человеческий эгоизм, я хотел делать то, что люблю, — объясняет художник. — И я никогда не стремился чему-то научить своего зрителя, объяснить ему что-то. Если бы я пошел по этому пути, то уж точно не смог бы делать то, что мне нравится". Его собственный художественный язык сформировался под влиянием очень разных мастеров. Это Леонардо да Винчи, Ремб-

рандт, Суриков, Серов и Врубель. "Суриков для меня бог", — признается он, и это признание в любви звучит другому — пристальному интересу к мировой истории. "Я вырос в русской культуре, и мне всегда была близка русская образность. Точно так же мне интересны темы Ветхого Завета. В США, где я стал больше узнавать об американской истории, увлекся и ею. Это все — история человечества, наша история".

Еще одним живительным источником вдохновения была Одесса. "Для меня Одесса — это бульвар, круглые дома, лестница. То, что зовется одесским ампиром, — легкая, южная архитектура. К сожалению, она недалеко ушла за пределы бульвара. Если бы это произошло, то Одесса мало отличалась бы от лучших городов Средиземноморья".

После отъезда в 1974 году Шенкер побывал в Одессе всего лишь

раз — в 1988-м. "Тогда город еще мало изменился по сравнению с теми временами, когда я его покинул, — вспоминает он. — После того визита я не испытывал большого желания посетить его. То лучшее, что в нем есть, живет в памяти. Мне этого хватает". То лучшее, что живет в памяти, помимо воли художника покидает реальную жизнь.

В бруклинской студии Шенкера я увидел небольшую работу, которая неожиданно вызвала у меня ностальгическое чувство, — уголок Нового базара: старые скобяные, как их называли, лавки; деревянные стены, крашенные зеленой и коричневой краской, листы крашеной жести на крыше; серьезные мужчины в кепках и ватниках, сосредоточенно считающие пачки рубчинок; полутемные сырые внутренности помещений, где каждый гвоздь, каждый обернутый промасленной бумагой инструмент

— клещи, молоток, отвертка — не были предметом быстрого, разового использования, а представляли собой пожизненную ценность. Сейчас это мир уничтожен, застроен тесным лабиринтом бетонных стен, забит бросовым товаром южноазиатского производства, от многоцветья которого рябит в глазах.

Возможно, ностальгическая тема получила бы большее развитие в творчестве Шенкера, окажись он в другом городе, но эмиграция занесла его в Нью-Йорк. "Я все чаще смотрю вверх, — рассказывает он. — Эти силуэты высотных домов, эти стеклянные кубы и башни невероятно захватывают. Это как другой мир. Как это сочетается с моей любовью к одесскому ампиру? Очень просто. Здесь, в Нью-Йорке, двигаясь по улице, ты часто натыкаешься на здания, которые вполне вписались бы в одесский городской пейзаж".

Эклектика и энергия — две, вероятно, наиболее выраженные черты, присущие Нью-Йорку. Они в полной мере присущи жизни и творчеству Ильи Шенкера.

НПСЛОВО